

ТЕРРИ ГУДКАЙНД

ТЕРРИ ГУДКАЙНД

ВЕРА
ПАДШИХ

ЛЕГЕНДА ОБ ИСКАТЕЛЕ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Сое)-44
Г 93

Серия «Легенда об Искателе»

Terry Goodkind
FAITH OF THE FALLEN

Перевод с английского *О. Косовой*
Художник *В. Ненов*
Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Гудкайнд, Терри.

Г 93 Вера падших : роман / Терри Гудкайнд ; [пер. с англ. О. Г. Косовой]. – Москва : АСТ, 2015. – 768 с. – (Легенда об Искателе).

ISBN 978-5-17-086655-7

Цикл Терри Гудкайнда о Ричарде Сайфере — Искателе Истины. Одна из величайших фэнтези-саг в истории жанра, которой восхищаются миллионы читателей по всему миру. Цикл Терри Гудкайнда лег в основу сериала «Легенда об Искателе», с успехом идущего и в нашей стране!

Читайте и смотрите!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Сое)-44

© Terry Goodkind, 2000
© Перевод. О. Косова, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2014

ISBN 978-5-17-086655-7

Глава 1

Она не помнила, как умерла. С каким-то странным ощущением покоя она размышляла, не означают ли далекие сердитые голоса, звучащие в ее сознании, что ей вновь предстоит этот трансцендентный переход.

Если и так, она все равно ничего не может поделать.

Она не помнила, как умерла. Только смутно припоминала тихие шепчущие голоса — голоса говорили, что это так, что смерть забрала ее, но он прижался губами к ее губам и вдохнул в нее свое дыхание, свою жизнь — и воскресил. Она не знала, кто ей это сказал и кто такой «он».

В ту ночь, когда она впервые начала различать еле слышные бесплотные голоса, она осознала, что рядом — люди, и эти люди думают, что она вряд ли протянет до утра. Но теперь она знала, что пережила ту ночь. И все последующие ночи. Возможно, благодаря тем отчаянным молитвам и горячим клятвам, что тихо звучали возле нее в ту первую ночь.

Но — хотя она и не помнила, как умерла — предсмертную боль она помнила отлично. Эту боль она не забывала никогда. Помнила, как в одиночку сражалась с мужчинами, скалившимися, словно свора бешеных псов. Помнила град жестоких ударов, повергших ее на землю, помнила пинки, удары тяжелых кованых сапог, треск лома-

ющихся костей. Помнила кровь — столько крови! — на их руках, на сапогах. Помнила охвативший ее дикий ужас, когда от боли не могла ни крикнуть, ни охнуть.

Потом — через несколько часов, а может, и дней, она не знала, — когда она лежала на чистом белье в чужом доме и заглянула в его серые глаза, она поняла, что для некоторых жизнь припасла боль куда худшую, чем досталась ей.

Она не знала, как его зовут. Его исполненный скорби взгляд не оставлял сомнений, что она должна знать его. Должна помнить его имя лучше, чем собственное, — но не помнила. И это удручало ее больше всего.

Стоило ей закрыть глаза, как она встречала этот его взгляд, в котором, кроме страдания, была надежда — такую отчаянную надежду могла дать только искренняя любовь. И даже когда непроницаемая тьма заволакивала ее разум, она не позволяла этой тьме затмить свет его глаз.

Порой она вспоминала его имя, но потом забывала вновь. А иногда, когда боль становилась совершенно невыносимой, забывала и свое собственное.

И всякий раз, слыша его имя, Кэлен вспоминала, кто он. С отчаянной решимостью она цеплялась за это имя — Ричард, за свои воспоминания о нем, о том, что он для нее значит.

Даже позже, когда окружающие еще боялись, что она все еще может умереть, Кэлен знала, что будет жить. Обязана жить. Ради Ричарда, своего мужа. Ради ребенка, которого носит в своем чреве. Его ребенка. Их ребенка.

Грубые мужские голоса, называющие Ричарда по имени, наконец вынудили Кэлен открыть глаза. Она поморщилась от мгновенно ожившей боли, которую сон если не изгонял, то хотя бы притуплял. Помещение, где она лежала, наполнял мягкий янтарный свет. Освещение было неярким, и она пришла к выводу, что либо окна чем-то занавешены, либо близится закат. В своем нынешнем состоянии она не только утратила чувство времени, но и, просыпаясь, не представляла себе, сколько проспала.

Кэлен провела языком по пересохшим губам. Тело казалось налитым свинцом, ее тошнило, как когда-то в детстве, когда она съела три печеных яблочка перед путешествием на корабле в погожий ветренный день. Тогда было тепло, как сейчас. Так бывает летом. Она попыталась приподняться, но ее тут же повело, и разум начал тонуть в туманном море. Желудок взбунтовался — пришлось сосредоточить все силы, чтобы сдержать рвоту. Она

уже слишком хорошо знала, что сейчас нет ничего хуже рвоты. Глаза закрылись, и она начала проваливаться во тьму.

Но тут же усилием воли заставила себя вынырнуть из мрака и снова открыть глаза. Кэлен вспомнила: ей дают травы, которые успокаивают боль и помогают уснуть. Ричард отлично разбирается в травах. Что ж, по крайней мере эти настои погружают ее в отупляющий сон. Но боль, пусть и не столь острая, достигала ее и во сне.

Медленно, осторожно, чтобы не растревожить боль, при малейшем движении кинжалами втыкавшуюся в ребра, Кэлен сделала глубокий вдох. Легкие наполнились ароматом хвои и смолы. Желудок потихоньку начал успокаиваться. Но пахло не как в лесу, где запах деревьев смешивается с ароматами влажной земли, цветов и травы, пахло только что спиленной древесиной. Кэлен усилием воли сконцентрировала взгляд и разглядела за изножьем кровати стену из светлых свежих досок. Похоже, деревья рубили и стругали в спешке, хотя тот, кто это делал, явно обладал солидным опытом лесоруба.

Комнатка оказалась крошечной. Во дворце Исповедниц, где выросла Кэлен, такая каморка могла бы служить разве что бельевым шкафом. Кэлен понравилась маленькая деревянная комнатка. Она догадывалась, что Ричард построил хижину, чтобы защитить ее. Деревянные стены обнимали ее, как надежные руки Ричарда. Мрамор во всем своем великолепии никогда не действовал на нее столь успокаивающе.

Она разглядела на стене резьбу — летящую птичку, не больше ее ладошки, очерченную несколькими уверенными движениями ножа. Это — подарок Ричарда. Иногда, когда они сидели у костра, он вырезал из деревяшек разные фигурки. Птица, летящая прямо на Кэлен, излучала ощущение свободы.

Скосив взгляд вправо, она увидела коричневое шерстяное покрывало, занавешивающее дверной проем. Снаружи доносились обрывки злых, угрожающих фраз.

— Это не наша прихоть, Ричард... Нам нужно думать о собственных семьях... женах и детях...

Кэлен попыталась приподняться на локте. Острая боль пронизала руку и взорвалась в плече.

Охнув, она рухнула на спину. Сотни острых кинжалов мгновенно пронзили ребра. Усилием воли Кэлен заставила себя дышать помедленнее. Когда боль в ребрах и руке чуть стихла, она наконец позволила себе еле слышно застонать.

С расчетливым спокойствием она оглядела левую руку. Сломана. И тут Кэлен вспомнила, что, конечно, рука сломана. И мысленно отругала себя за то, что не вспомнила раньше. Ведь знала же, что травяные настои притупляют разум. Опасаясь сделать еще какое-нибудь неловкое движение, Кэлен сконцентрировала все усилия на том, чтобы восстановить ясность мысли.

Осторожно подняв правую руку, она стерла со лба испарину. Правый плечевой сустав ныл, но рука худо-бедно действовала. Кэлен порадовалась этой маленькой победе. Она коснулась глаз и поняла, почему ей больно смотреть на дверь. Пальцы бережно ощупали распухшие веки. Кэлен мысленно представила, какого все это цвета. Тошнотворно черно-синее. Когда пальцы коснулись ран на щеках, она словно притронулась к обнаженным нервам.

Не нужно зеркала, чтобы понять, насколько жутко она выглядит. Впрочем, она и так это понимала всякий раз, когда заглядывала Ричарду в глаза. И жалела, что не может мгновенно сделать прекрасной и стереть из его глаз страдание. Знай он ее мысли, наверняка бы сказал: «Со мной все в порядке. Перестань беспокоиться обо мне и думай о том, чтобы поскорее выздороветь».

С горько-сладкой тоской Кэлен вспомнила, как они лежали с Ричардом, сплетаясь телами, в чудесной истоме, а его большая ладонь покоилась на ее животе. Как же это больно — желать снова обнять его и быть не в состоянии это сделать! Кэлен сурово сказала себе, что это всего лишь вопрос времени. Они вместе, остальное не важно. Само его присутствие — лучшее лекарство.

Она услышала голос Ричарда, сдержанно cedившего слова:

— Нам нужно только немного времени...

Какие-то мужчины говорили все разом, горячо и настойчиво:

— Это не потому, что мы хотим... ну, тебе следовало бы понять, Ричард, ты ведь нас знаешь... Но что, если из-за этого тут начнутся неприятности? Мы слышали о войне. Ты сам сказал, что она из Срединных Земель. Мы не можем позволить... Не допустим...

Кэлен прислушалась, ожидая, что вот-вот раздастся звон его меча. Ричард обладал чуть ли не безграничным терпением, но терпимости и у него было не так много. Кара, их телохранитель и друг, тоже наверняка там. А она-то не отличается ни терпением, ни терпимостью.

Однако вместо того чтобы достать меч, Ричард сказал:

— Я ни у кого ничего не прошу. Я лишь хочу, чтобы меня оставили с ней в покое в безопасном месте, где я смогу о ней позаботиться. Я хотел быть поближе к Хартленду только на случай, если ей что-то понадобится. — Он помолчал. — Пожалуй-ста... До тех пор, пока ей не станет лучше.

Кэлен хотелось закричать: «Нет! Не смей умолять их, Ричард! Они не имеют права заставлять тебя умолять! Не имеют права! Они никогда не поймут, на какие жертвы ты пошел!» Но она лишь с горечью прошептала его имя.

— Не испытывай наше терпение... Мы подпалим эту хибару, если придется! Ты не сумеешь справиться со всеми. Правда на нашей стороне!

Шум шагов, гул, тихие проклятия. Кэлен подумала, что вот сейчас наконец Ричард достанет меч. Но он лишь что-то спокойно ответил. Говорил он тихо, и Кэлен не разобрала слов. Повисло тяжелое молчание.

— Это не потому, что нам так хочется, Ричард, — наконец плаксиво проговорил кто-то. — У нас нет выбора. Мы должны заботиться о собственных семьях... и вообще...

— К тому же ты в этих красивых тряпках и со своим мечом сделался эдаким расфуфыренным, — заговорил другой, пылая праведным гневом, — совсем не таким, как прежде, когда был лесным проводником.

— Во-во! — встрял третий. — То, что ты где-то там побывал и повидал мир, не дает тебе права возвращаться сюда с таким видом, будто ты лучше нас!

— Я перерос то, что вы все считали моим делом, — ответил Ричард. — Вы это хотели сказать?

— Я вижу, ты отвернулся от общества, отринул свои корни. Ты считаешь, что наши женщины недостаточно хороши для великого Ричарда Сайфера. Нет, куда там! Ему подавай какую-то бабу-чужачку! А потом являешься сюда и выставяешься перед нами!

— Почему? Что я сделал? Женился на женщине, которую люблю? Это, по-вашему, гордыня? Это отнимает у меня право на спокойную жизнь? И лишает ее права на лечение, исцеление и жизнь?

Эти люди знают его только как Ричарда Сайфера, простого лесного проводника, а не того, кем он стал сейчас. Он остался таким же, как был, просто эти люди никогда его не знали по настоящему.

— Тебе следует на коленях молить Создателя исцелить твою жену, — заговорил четвертый. — Все люди — ничтожные черви. Ты должен молиться и просить Создателя, чтобы он простил все твои недостойные деяния и грехи — именно они навлекли Его гнев на тебя и твою женщину. А ты хочешь свалить свои беды на плечи честных трудовых людей. У тебя нет права навязывать нам свои беды и грехи. Это не то, чего желает Создатель. Тебе следовало бы подумать о нас. Создатель хочет, чтобы ты был покорным и помогал другим, — вот почему Он так с ней обошелся. Чтобы преподать вам обоим урок!

— Это он сам тебе сказал, Альберт? — поинтересовался Ричард. — Создатель пришел к тебе, чтобы сообщить о своих намерениях и высказать свои пожелания?

— Он говорит с каждым, у кого хватает покорности слушать его! — рявкнул Альберт.

— К тому же, — заговорил кто-то, — в этом Имперском Ордене, о котором ты нас предупреждаешь, есть кое-что стоящее. Не будь ты так туп, Ричард, ты бы и сам это понял. Нет ничего дурного в желании, чтобы со всеми обращались достойно. Это верная мысль. И справедливая. Ты должен признать, что такова воля Создателя и того же хочет Имперский Орден. Если ты не можешь хотя бы в этом признать пользу Ордена, тогда тебе лучше убираться отсюда, и побыстрее.

Кэлен затаила дыхание.

— Быть посему, — бесцветным голосом ответил Ричард.

Ричард знал этих людей. Он называл их по именам, напоминал им о прошлом, о том, что объединяло их. Он был терпелив с ними. Сейчас терпению его настал конец.

Послышались лошадиный храп, стук копыт — мужчины начали рассаживаться по коням.

— Утром мы вернемся и сожжем эту хибару. И лучше бы нам не застать здесь ни тебя, ни твоих, иначе сожжем и вас.

Осыпав его напоследок проклятиями, незваные гости ускакали. Топот копыт сотряс землю, и даже эти легкие толчки отдавались Кэлен болью в спине.

Она слабо улыбнулась Ричарду, хотя он и не мог этого видеть, и горько пожалела, что ему пришлось упрашивать этих людей ради нее. Ради себя самого — Кэлен знала твердо — он не стал бы просить ничего.

Занавеска на двери распахнулась, комнату залил солнечный свет. Кэлен поняла, что сейчас около полудня. Рядом с постелью возник Ричард.

Он был в одной черной безрукавке, без рубашки, без великолепной черной с золотом безрукавки, с обнаженными мускулистыми руками. У левого бедра висел магический меч. Солнечные блики играли на рукояти. Ричард был так высок и широкоплеч, что с его появлением комнатка показалась еще меньше. Чисто выбритое лицо, резко очерченные скулы, жесткая линия рта, мощная стать, темно-русые волосы почти до самых плеч. Да, он был очень хорош собой, но когда-то Кэлен в первую очередь привлек незаурядный ум, светившийся в пронзительных серых глазах.

— Ричард, — еле слышно прошептала Кэлен, — я не хочу, чтобы ты ради меня кого-то упрасивал.

Его губы дернулись в подобии улыбки.

— Если захочу упрасивать, то стану. — Он поправил одеяло, тщательно укрыв Кэлен, несмотря на то что она обливалась потом. — Не знал, что ты проснулась.

— Сколько я проспала?

— Некоторое время.

Кэлен сообразила, что, должно быть, спала долго. Она не помнила ни как они приехали сюда, ни как Ричард строил этот домик.

Она чувствовала себя восьмидесятилетней бабкой, а не молодой женщиной на третьем десятке. Никогда еще ей не наносили ран, во всяком случае серьезных. Ну по крайней мере не столь серьезных, чтобы она очутилась на пороге смерти и столь надолго оказалась совершенно беспомощной. Это раздражало и начисто выводило из себя. Ощущение беспомощности причиняла куда больше страданий, чем боль.

Она была поражена неожиданно обрушившемся на нее пониманию, насколько в действительности хрупка жизнь. Насколько хрупка она сама, Кэлен, и уязвима. В прошлом ей не раз приходилось рисковать жизнью, но, вспоминая эти эпизоды, она сомневалась, что верила тогда, будто с ней может произойти нечто подобное. И осознание реальности происшедшего сокрушало.

В ту ночь в ней что-то сломалось — какое-то представление о себе самой, уверенность в себе. Она могла погибнуть. Их ребенок мог погибнуть, еще даже не получив шанс на жизнь.

— Ты выздоравливаешь, — произнес Ричард, словно в ответ на ее мысли. — И это не пустые слова. Я вижу, что тебе гораздо лучше.

Кэлен посмотрела ему в глаза, набираясь храбрости, и наконец спросила:

— Откуда они в этой глуши знают об Ордене?

— Здесь проходили беженцы. И адепты Ордена добрались сюда, до моей родины. А ты знаешь, что их слова могут звучать очень заманчиво, если руководствоваться не разумом, а эмоциями. Истина никому не интересна. — Помолчав, он добавил: — Представители Ордена уехали. Эти олухи, что приходили сюда, только повторяли, что слышали, не более.

— Но они принуждают нас уехать. И по-моему, они из тех, кто слов на ветер не бросает.

Ричард кивнул и улыбнулся:

— А знаешь, мы совсем неподалеку от того места, где я встретил тебя впервые, прошлой осенью. Помнишь?

— Как я могу забыть?

— Тогда нам угрожала смертельная опасность, и мы были вынуждены покинуть эти края. Я никогда не сожалел об этом. С тех пор мы вместе. И пока мы вместе, ничто другое не имеет значения.

В комнату проскользнула Кара и встала рядом с Ричардом. Ее тень легла рядом с его тенью на голубое хлопковое одеяло. Затянутая в узкое красное облачение, Кара грацией напоминала хищную птицу: решительную, быструю, смертельно опасную. Длинные светлые волосы были заплетены в косу — символ морд-сит, элитной телохранительницы самого лорда Рала.

Ричард унаследовал морд-сит вместе с Д'Харой, страной, о которой он прежде и знать не знал. Он вовсе не искал власти, власть сама отыскала его. И теперь от Ричарда зависели судьбы очень многих людей. Весь Новый мир — Вестландия, Срединные Земли, Д'Хара.

— Как ты себя чувствуешь? — с искренней заботой спросила Кара.

— Лучше, — только и смогла хрипло прошептать Кэлен.

— Ну, раз тебе лучше, — заявила Кара, — скажи тогда лорду Ралу, что ему следовало позволить мне заняться делом и вколотить этим типам в голову должное уважение. — Грозный взгляд льдисто-голубых глаз на мгновение метнулся в ту сторону, где только что были люди, угрожавшие Ричарду. — Тем, кого я оставляю в живых, во всяком случае.

— Ну подумай сама, Кара, — сказал Ричард. — Мы не можем превратить это место в крепость и держаться начеку все двадцать четыре часа в сутки. Эти люди напуганы. Пусть и напрасно, но они считают, что мы представляем собой угрозу для них и их

семей. А у нас и без того забот хватает — зачем ввязываться в ненужную драку, когда можно ее избежать?

— Но, Ричард, ты построил все это... — Кэлен обвела рукой хижину.

— Только одну комнату. В первую очередь я хотел сделать кров для тебя. На это потребовалось совсем немного времени, надо было только срубить несколько деревьев и распилить. Остальное мы еще не построили. А эта комнатка не стоит того, чтобы из-за нее проливать кровь.

Если Ричард казался спокойным, то Кара явно была готова грызть ногти.

— Не будешь ли ты столь любезна велеть своему упертому муженьку, чтобы он позволил мне кого-нибудь убить, пока я не спятила? Не могу я стоять и смотреть, как какие-то недоноски угрожают вам обоим! Я морд-сит!

Кара очень серьезно относилась к своим обязанностям защищать Ричарда — магистра Рала, владыку Д'Хары. И Кэлен. Когда дело касалось жизни Ричарда, Кара предпочитала сначала убивать, а потом уже разбираться. И это была одна из немногих вещей, которых Ричард не терпел.

Кэлен лишь улыбнулась в ответ.

— Мать-Исповедница, ты не можешь допустить, чтобы лорд Рал склонился перед волей этих придурков! Скажи ему!

Кэлен могла бы по пальцам пересчитать людей, которые звали ее просто Кэлен, не добавляя хотя бы титула «Исповедница». Свой нынешний титул «Мать-Исповедница» она слышала бесчисленное количество раз с самыми разнообразными интонациями, от явно подхалимской до исполненной ужаса. А многие, преклоняя перед ней колени, не могли даже прошептать эти два слова дрожащими губами. Иные же, когда никто не слышал, шептали эти два слова с ненавистью.

Кэлен избрали Матерью-Исповедницей, когда ей едва исполнилось двадцать — самая молодая Исповедница, когда-либо назначавшаяся на этот высочайший пост, дающий огромную власть. Но то было несколько лет назад. Теперь она — единственная Исповедница, оставшаяся в живых.

Кэлен всегда терпеливо несла бремя власти, спокойно встречала преклонение, восторг, страх и ненависть. Но она не просто называлась, она *была* Матерью-Исповедницей — по праву ответственности и отбора, согласно обету и долгу.

Кара всегда звала Кэлен «Мать-Исповедница», только в устах Кары эти слова звучали чуть иначе, чем у других. В них слышался вызов, сдобренный легкой доброжелательной насмешкой. В устах Кары слова «Мать-Исповедница» звучали для Кэлен примерно как «сестра». Кара была родом из далекой Д'Хары, и с ее точки зрения никто и нигде не был выше морд-сит, кроме лорда Рала. Самое большее, что она могла допустить, — это считать Кэлен равной себе в обязательствах перед Ричардом. Впрочем, быть признанной равной Каре — само по себе награда.

Однако, когда Кара обращалась «лорд Рал» к Ричарду, это вовсе не звучало как «брат». Она говорила именно то, что хотела сказать, — господин, повелитель, лорд Рал.

Для тех мужчин, что сейчас приходили сюда с угрозами, понятие «лорд Рал» было чужим и далеким, как сама Д'Хара. Кэлен была родом из Срединных Земель, отделявших Д'Хару от Вестландии. Жители Вестландии ничего не знали ни о Срединных Землях, ни об Исповедницах. Несколько десятилетий три части Нового мира были разделены с помощью магии непроходимыми границами, и то, что лежало за этими границами, оставалось тайной, покрытой мраком. А прошлой осенью эти границы рухнули.

Потом, зимой, общий для всех трех территорий барьер, на протяжении трех тысячелетий ограждавший Новый мир от угрозы со стороны Древнего мира, прорвался, и из Древнего мира обрушился на них Имперский Орден. Вот так вот случилось, что в прошлом году мир перевернулся. Привычный уклад изменился стремительно.

— Я не позволю тебе убивать людей лишь за то, что они отказываются нам помогать, — ответил Ричард Каре. — Это ничего не решит, только навлечет на нас лишние неприятности. На то, что мы намеревались здесь построить, требуется совсем немного времени. Я думал, что тут нам ничего не грозит, но ошибся. Значит, двинемся дальше.

Он повернулся к Кэлен и куда более спокойным тоном продолжил:

— Я надеялся, что тут, на моей родине, ты сможешь оправиться от болезни в мире и спокойствии, но, похоже, родным краям я тоже не нужен. Прости.

— Тебя не хотят тут видеть только эти люди, Ричард. — В Андерите, как раз перед тем, как на Кэлен напали, народ отверг предложение Ричарда войти в состав Д'Харианской Империи,

боровшейся за свободу против Ордена. Андерцы добровольно приняли сторону Имперского Ордена. Теперь, похоже, Ричард, забрав Кэлен, решил уйти от всех и от всего. — А как насчет твоих *настоящих* друзей?

— У меня не было времени... Я хотел для начала построить убежище. И теперь опять нет времени. Может, позже...

Кэлен потянулась к его руке, но он стоял слишком далеко.

— Но, Ричард...

— Послушай, здесь оставаться небезопасно. Так-то вот. Я привез тебя сюда, полагая, что тут ты сможешь спокойно выздороветь и окрепнуть. Я ошибся. Здесь опасно. Мы не можем тут оставаться. Ты понимаешь?

— Да, Ричард.

— Нам надо двигаться.

— Да, Ричард.

Но Кэлен чувствовала, что за этим стремлением двигаться кроется что-то еще, куда более важное. Об этом говорило отстраненное, тревожное выражение, таившееся в глубине его глаз.

— А как же война? Ведь все зависит от нас. От тебя. От меня помощи ждать не приходится, пока я не поправлюсь, но ты всем нужен сейчас. Ты нужен Д'Харианской Империи. Ты ведь магистр Рал. Ты вождь. Что мы тут делаем? Ричард... — Она подождала, пока его взгляд обратится к ней. — Почему мы убегаем, когда все рассчитывают на нас?

— Я делаю то, что должен.

— Должен? Ты о чем?

Он отвел взгляд, и по его лицу пробежала тень.

— Я... Мне было видение...